

Е.М. Малинкин, Э.Л. Дубман*

**ОБЛАСТЬ ПОНИЗОВЫХ ГОРОДОВ, ОСОБЕННОСТИ ЕЕ КОЛОНИЗАЦИИ
И УПРАВЛЕНИЯ ПРИКАЗОМ КАЗАНСКОГО ДВОРЦА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI–XVII ВВ.**

деление на «города» в XVI – XVII вв. является одним из самых значимых феноменов территориально-административного развития Московского государства в эпоху позднего средневековья. Такие «города – области», состоявшие из совокупностей соседних уездов, отражали специфику исторического развития отдельных регионов еще до их вхождения в состав единого государства. Однако и в XVII столетии они не являлись только историческим анахронизмом и наследием былой автономии. В рассматриваемый период по мере расширения территории государства новые присоединяемые к нему территории также получали подобное обозначение. Так во второй половине XVI – XVII вв. в составе России сложились и стремительно расширялись области «Понизовых», «Польских», «Сибирских» и других «городов».

Дробление на «города» постоянно использовалось в законодательстве, делопроизводстве центральных учреждений, при составлении погодных разрядных росписей вооруженных сил России, в финансовой сфере, в публицистике и обыденных представлениях русских людей эпохи позднего средневековья. Опираясь на все эти материалы, отечественные историки постоянно использовали указанное историко – территориальное разграничение в своих исследованиях по истории Московского царства¹.

С.Ф. Платонов писал: «Было бы, разумеется, большой ошибкой придавать этому делению определенность и устойчивость существующих в наше время административных разграничений; однако этим делением можно пользоваться с большим удобством для того, чтобы дать некоторое понятие об особенностях общественного устройства и быта в разных частях Московского государства»².

Это было общепринятое, но не жестко оформленное территориальное деление страны. В подавляющем большинстве случаев, «города – области» в XVI – XVII вв. не соединялись единой административно-территориальной системой управления. В уезды, из которых они состояли, направлялись из соответствующих приказов воеводы и дьяки (подьячие), отчитывающиеся о своей деятельности только центральным учреждениям. Однако,

---

* © Малинкин Е.М. – главный специалист отдела использования архивных документов ГБУСО «СОГАСПИ», 2013

Дубман Э.Л. – доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

в середине – второй половине XVII в. наблюдались и случаи объединения совокупностей гарнизонов таких «городов» под началом особых областных учреждений – Разрядов. Например, своеобразную областную реформу в виде создания единой системы военных округов – Разрядов, а также совокупности особых «наместничеств» московское правительство пыталось осуществить в конце царствования Федора Алексеевича³.

Вместе с тем, возникают постоянные центральные учреждения – приказы, которые исследователи называют территориальными. Во второй половине XVI в. это был приказ Казанского Дворца, в XVII в. – Сибирский, Смоленский и другие⁴. Сфера их деятельности имела ярко выраженный территориально-областной и полифункциональный характер. Сочетание особенностей центрального и одновременно – территориально – областного учреждения, специфика деятельности приказной администрации придавало территориям, находящимся под их юрисдикцией, определенные черты обособленности и единства.

Классический для отечественной исторической науки анализ категории «города» (в смысле обширных, административно не объединенных, областей), системы деления Русского государства на «города» – области и характеристику каждой из них дает С.Ф. Платонов во вводной главе «Очерков по истории Смуты...»⁵. Среди прочих «городов» – областей историк выделяет «Понизовые города или «Низ», определяя их следующим образом: «Под именем «Низа» или «понизовых городов» слыли, во-первых, города, находившиеся на территории покоренного в 1552 г. Казанского ханства, на обоих берегах средней Волги и на правом берегу нижней Камы и Вятки, а во-вторых, города, поставленные на нижней Волге, начиная от Самары и на Каспийском побережье»⁶.

Отметим, что понятие «понизовые города» является наиболее часто используемым как в источниках второй половины XVI – XVII вв. (смотри Соборное Уложение 1649 г.⁷, «Разрядные книги» и др. материалы⁸), так и в специальной литературе. Вместе с тем, нередко данные территории называли близкими по смыслу, однокоренными, но несколько иными терминами – «Низовые города», «Низ», «Низовье», «Волжское Понизовье» и т.д.⁹ Нельзя не согласиться с мнением крупного исследователя этого региона И.П. Ермолаева, писавшего, что «твердо установленного перечня «понизовых» городов не существует, но граница распространения областей включаемых в понятие «понизовые», весьма устойчива»¹⁰. Во второй половине XVI – начале XVIII вв. территория «понизовых городов» находилась под юрисдикцией приказа Казанского Дворца. Однако в состав территорий, которыми управляла администрация приказа, входили определенное время и «мещерские города», и «сибирские» (до 1637 г., когда был создан специальный Сибирский приказ), и некоторые другие. Помимо того, с середины XVII в. Астрахань, Терки, ряд других городов Нижней Волги и северного Прикаспия состояли в ведении Посольского приказа. Наиболее устойчивой, базовой территорией, находившейся под управлением приказа Казанского Дворца, являлись уезды Среднего Поволжья. По подсчетам И.П. Ермолаева

лаева «... в середине XVII в., вся территория, находившаяся в компетенции Приказа, включала примерно 773,2 тыс. квадратных километров, в том числе на долю Среднего Поволжья приходилось не менее 332,2 тыс. квадратных километров, т.е. более 41% всей территории Приказа Казанского дворца»¹¹.

Нас в данной работе интересует, прежде всего, то пространство «понизовых городов», которое к рубежу XVII – XVIII вв. входило в ареал оседлого городского и сельского расселения, то есть в основном состояло в системе уездов Среднего Поволжья. Вместе с тем нельзя не отрицать, что, начиная с вхождения региона в состав Московского государства, процесс интенсивной колонизационной деятельности русских переселенцев и коренных народов Среднего Поволжья постепенно распространялся на всю территорию «понизовых городов». И в ее южной части, где еще не было земледельческого расселения, происходило постепенное сужение ареала кочевий степных народов; строились новые остроги и города, продолжалось формирование на окраинах региона казачьих областей. По берегам Волги, других крупных промысловых рек и северного Прикаспия шел процесс складывания сезонных, а в дельте Волги и Урала постоянных, рыболовецких промыслов. Однако, стабильное развитие всех территорий «понизовья» в составе Московского царства; воспроизводство политических, социальных и экономических отношений, характерных для основных, «старых» районов страны было возможно только при включении их в состав освоенного земледельческим населением пространства. Именно поэтому, продолжая свое определение области «понизовых городов», С.Ф. Платонов писал: «Нас интересует здесь собственно первая группа городов с их «уездами»? Она на самом деле вошла в состав государства после завоевания Казани, тогда как города второй группы были скорее всего военными колониями, основанными вне государственных границ правительственными силами и починком по соображениям политического порядка»¹². Таким образом, С.Ф. Платонов выбирает для своего изучения событий Смутного времени ту часть области «понизовых городов», которая охватывала более локальную территорию по сравнению со всем пространством Среднего Поволжья.

Исходя из тех же посылок, выделял регион для исследования юго-востока европейской России Г.И. Перетяткович¹³. Доведя хронологические рамки своей работы до начала XVIII в., Перетяткович должен был существенно увеличить территорию изучаемого региона к югу: на Правобережье до Саратова, Петровска и Дмитриевска, а в Заволжье до Закамской линии и даже до устьев Сока и Самары¹⁴. Для такого выбора изучаемого региона он предлагает те же основания, что и С.Ф. Платонов, а именно – появление новых уездов, расширение территории сельского земледельческого расселения. Именно на территории таких уездов служилые люди концентрировались не только в локальных городах–крепостях, как это было в Саратове, Царицыне, Астрахани, Терках и т.д., вокруг которых не сложилось сельской округи. Военное население помещалось, расселялось в слободах и других типах сельских поселений.

Отметим, что отдельные историки при выборе для своих исследований определенных районов области «понизовых городов», использовали другие критерии. Например, Э.Л. Дубман, изучая вопросы развития промышленного предпринимательства и освоения «Понизового Поволжья» в конце XVI – XVII вв., под данным термином понимает территории юго-востока европейской России, начинающиеся от устья Камы¹⁵.

Мы не будем останавливаться на работах, посвященных более локальным районам пространства «понизовых городов». Отметим лишь, что само волжское Понизовье¹⁶ – Астрахань с прилегающими к ней городами по северному побережью Каспия, долине Терека, Черным Яром и Царицыным – исследователями рассматривалось также как самостоятельный регион для специального изучения¹⁷.

Таким образом, историки, выделяя область «понизовых городов» как единое целое, постоянно «дробили» ее, выбирали для своих изысканий те ее части, которые в большей степени отвечали целям и задачам их исследований. Можно сделать вывод, что вся область «понизовых городов» как единое целое практически никогда не была объектом крупного монографического исследования в рамках выделяемого нами хронологического периода.

***

Со времени присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к Московскому государству и до начала XVIII в. можно выделить несколько важных этапов в «реальной» военно-административной и земледельческо-промышленной колонизации его территории.

Первый из них, наиболее протяженный, охватывает время до середины XVII в. В состав территорий, ставших в 50-е гг. XVI в. российскими или попавшие в зону влияния Москвы, вошли земли бывшего Казанского ханства, Башкирия и волго-уральское междуречье. Все это пространство соединялось системой водных путей, пролежавших по Волге и Каме.

До середины 1580-х гг. русское правительство, оказавшееся в состоянии тяжелого внешне – и внутривосточного кризиса, могло лишь удерживать под своим контролем Казанский край, Башкирию, Астрахань с небольшой округой и сам волжский путь. «Казанскую землю» рассматривали как важнейшую территорию Московского государства. В середине XVI в. численность ее жителей достигала 500 тыс. чел., среди которых татар насчитывалось до 200 тыс.¹⁸ В ходе и после подавления национально-освободительного движения («казанской войны») 1552-1557 гг., «черемисских» восстаний и т.д. правительство ликвидировало остатки системы управления прежнего ханства и приступило к созданию новой системы. Был проведен ряд мероприятий, способствующих постепенному вхождению нового региона в состав российской государственно-политической, социально-экономической и религиозной жизни. На территории бывшего ханства была создана действенная система военно-административного управления и административно – территориального деления. Она опиралась на совокупность укрепленных опорных пунктов – городов, администрация и гарнизоны кото-

рых контролировали практически всю территорию края. В годы «казанской войны» и после нее, были основаны Чебоксары (1555 г.), Лаишев (1557 г.), Тетюши (1558 г.). Во время подавления первого «черемисского» восстания появился Кокшайск (1573 г.). Наиболее многочисленная группа городов была основана в период второй «черемисской войны» – Козьмодемьянск (1583 г.); Царевококшайск, Цивильск, Уржум, Малмыж (все в 1584 г.), Царевосанчурск (1585 г.)¹⁹. На первых порах территория края была разделена на два уезда – Казанский и Свияжский. Затем к ним присоединились Чебоксарский, Алатырский, Тетюшский и другие. При этом далеко не все новые военизированные поселения были центрами уездов. Часть из них стала пригородами. Их воеводы контролировали локальные территории, входящие в более обширные уезды, например, Казанский. Южные границы «казанской земли» в конце 1570-х гг. защитила система засечных черт и локальных укреплений по линии Темников – Алатырь – Тетюши²⁰; юго-восточные – крепости в нижнем и среднем течении Камы (Лаишев и др.).

В регионе был создан новый военно-административный аппарат. На всей территории бывшего ханства демонтировали прежнюю систему местной администрации. Впервые в России здесь апробировали воеводскую систему управления²¹ и только затем ее распространили на остальные пограничные уезды страны. В состав местной администрации входили и представители коренной национальной верхушки²². Примерно в середине 1560-х гг. было организовано центральное учреждение для руководства всеми вновь присоединенными территориями на юго-востоке европейской части страны – приказ Казанского Дворца. Он обладал широкими полномочиями и до начала XVIII в. фактически полностью управлял огромным регионом.

Социальная политика русского правительства в Казанском крае была сложной и многоплановой. На первых порах центрами русского присутствия в регионе; размещения органов управления и гарнизонов, военизированного, а затем и торгово-промышленного населения были города. Одновременно, из признавшей власть Москвы части коренного привилегированного населения складывалась новая группа «служилых татар», сменившая прежнюю верхушку ханства²³.

Московская политика в крае была направлена на формирование достаточно многочисленного слоя русского служилого и тяглого населения, наделения его земельными угодьями. Служилых людей по отечеству и прибору переводили «годовальщиками», путем испомещения формировали из них категорию мелких и средних поместных землевладельцев²⁴. К началу XVII в. в крае сложилась значительная группа русского служилого, владевшего поместьями и вотчинами, а также тяглого населения. Здесь практически были ликвидированы возможности для сепаратистских национальных движений, что показали события Смутного времени.

Значимые для территории «понизовых городов» изменения в государственной политике произошли в середине 1580-х гг. Внешнеполитические неудачи вынудили правительство перейти к более активным действиям на

юго-востоке. Эта новая тенденция в самом общем виде получила отражение в летописных памятниках. Авторы «Нового летописца» писали: «... государь праведной (Федор Иванович – Е.М.) чая от них (народов Среднего Поволжья – Е.М.) впредь измены ... повеле ставити ... города, ... и насади их Рускими людьми и тем он государь укрепил все Царство Казанское»²⁵. «Пискаревский летописец» под 1684 г. сообщает: «Приказывает (Федор Иванович – Е.М.)... города ставити на Поле и в Сивере и к Астрахани»²⁶. И действительно правительство предприняло серьезные шаги «для своего действительного присутствия на территории Башкирии (Уфа – 1586 г.), закрепления всего волжского торгового пути и промысловой эксплуатации рыбных богатств (Самара – 1586 г., Царицын – 1589 г., Саратов – 1590 г.), контроля за устьем р. Урал (Яицкий городок – 1594/95 г.) и ближними к Астрахани районами Предкавказья (городки долины р. Терека)»²⁷.

Итоги реализации правительственной политики на территории всего региона проявились уже к концу XVI – началу XVII вв. Здесь сложилась система городов-крепостей, опорных пунктов; социально-политического равновесия в крае, где соседствовали коренное население Среднего Поволжья, кочевники Большой Ногайской Орды, яицкое казачество, служилое и посадское население, русские промышленники и торговцы из центральных районов страны. Однако в годы Смуты эта система была в значительной степени нарушена.

После завершения Смутного времени правительство предприняло серьезные усилия для укрепления своих позиций на европейском Юго-Востоке, и, прежде всего, в Нижнем Поволжье. В конце 1616 г. подданство России признали бии Большой Ногайской Орды. Были вновь отстроены Царицын и Саратов. К концу 1610 – началу 1620-х гг. обстановка в крае в целом стабилизировалась.

Основные контуры правительственной политики в Поволжье и Приуралье, сложившиеся в предшествующее время, сохранились и в первой половине XVII в. Характерной особенностью этого периода явилась нарастающая «милитаризация» региона, усиление в нем русского военного присутствия. Происходило не только восстановление старых городов и строительство новых, но и рост численности гарнизонов. Соответственно, наблюдалось расширение служилого землевладения на территории Казанского края. Правительство прилагало особые усилия для привлечения на государственную службу местного коренного населения, причем не только новокрещен. Характерной особенностью этого периода явился значительный «выплеск» сельских поселений в южную и юго-восточную лесостепь, за пределы ранее освоенных и хорошо защищенных районов, перемещение земледельческого населения из обжитых районов Казанского края на юг и юго-восток за пределы линии Темников – Алатырь – Тетюши и в Закамье. Причем, если в Предволжье, к югу от укреплений Тетюшско – Алатырской черты селилось в основном местное чувашское, мордовское и отчасти, татарское население, то в Заволжье, за Камой появился ряд и русских селений. Динамика развития Поволжья и Приуралья в первые десятилетия XVII в. вполне оче-

видна. Продолжалось последовательное закрепление за государством огромного региона, строительство на его территории новых военизированных поселений, расширение социальной базы для проведения более активной правительственной политики. Большинство исследователей рассматривают такие тенденции как формирование предпосылок для создания нового района интенсивной правительственной колонизации в Симбирском Поволжье и Закамье²⁸. Этот район начал складываться в 1640-х гг. Но, уже вторая половина 30-х гг. XVII в. стала переломным моментом в освоении южных и юго-восточных окраин России. На границах с Диким полем строится Белгородская линия. Под ее защитой происходило массовое испомещение служилых людей. Сооружение оборонительных линий распространялось на юго-восточные окраины через Тамбовскую черту²⁹, В.И. Лебедев и другие исследователи приходят к выводу, что от нее далее на восток к р. Суре возводятся во второй половине 1630-х – первой половине 1640-х гг. начальные локальные сооружения сразу нескольких отдельных засек: Ломовской, Нижне-Ломовской, Инсаро-Потижской, Саранско-Атемарской³⁰. Они были «развернуты» во второй половине 1640-х гг. в протяженные оборонительные линии, которые прикрывали западную часть области «понизовых городов» и способствовали началу ее массового заселения³¹. Завершением создания непрерывной системы укреплений от границ с Польшей до Башкирии, явилось строительство в конце 1640-х – 1650-х гг. Корсунской, Симбирской (Симбирско-Корсунской) и Закамской оборонительных линий³². Их возведение коренным образом изменило положение в лесостепной зоне правобережья Волги и в Закамье. Началось интенсивное заселение находившихся под защитой засечных черт территорий южной лесостепи. В новом регионе сложился крупный контингент преимущественно русского военизированного населения. В него входила и значительная часть служилых людей из народностей Среднего Поволжья³³. На свободных землях вновь образованных Саранского, Симбирского и других уездов Предволжья, закамских территорий Казанского уезда получило широкое развитие мелкое и среднепоместное землевладение служилых людей. Здесь, как в южных уездах действовали нормы законодательства о «заказных городах»³⁴. Центром крупного аграрного района, обеспечивавшего продукцией сельского хозяйства не только свое служилое и торгово-промысловое население, но и поставлявшим хлеб в другие города и промысловые центры региона становится Симбирск.

Во второй половине 1660-х гг., защищенное укрепленной линией, Симбирское Предволжье уже не могло вместить новые контингенты переселенцев. Миграционные потоки, раздачи земель перешагнули «за вал» Симбирско-Корсунской черты и начали спускаться далее на юг. Для защиты новых селений, ниже Симбирска в 1660-х гг. была построена прилегающая к Волге небольшая укрепленная линия, должная обезопасить, возникшую здесь Арбугинскую дворцовую волость. Колонизация местности к югу от черты начало приобретать массовый характер³⁵.

Менее интенсивно процессы заселения новых земель происходили в Заволжье, под защитой Закамской черты. Но и здесь во второй полови-

не XVII в. под прикрытием ее гарнизонов сложился крупный сельский район³⁶.

Массовое антикрепостническое движение под предводительством С. Разина, охватившее осенью 1670 – 1671 гг. южные районы Среднего Поволжья, заставило правительство по-новому взглянуть на обеспечение безопасности в регионе, но уже не от кочевников, а от мощных выступлений местного населения. Наряду с военно-административными действиями, усилением гарнизонов, строительством новых укрепленных пунктов, унификацией системы местного управления, ростом полномочий местных властей и т.д., правительство приняло ряд мер, направленных на защиту русского тяглого и коренного ясачного населения.

Новый этап в расширении ареала сельского расселения на территории «понизовых городов» начался в конце 1670-х гг. В это времени государство приступило к созданию еще одной совокупности протяженных оборонительных систем. Они возводились для того, чтобы обезопасить границу со степью и обеспечить дальнейшее продвижение оседлого населения на юг и юго-восток. В годы Чигиринской войны к югу от Белгородской была построена Изюмская линия³⁷. Практически одновременно, во второй половине 1670-х гг. на противоположном фланге границы со степью возводится еще одна черта – Пензенская³⁸. Тем самым были укреплены наиболее слабые участки по всему периметру лесостепного европейского фронта России. Совершенно очевидно, что следующим шагом должно было стать продолжение Пензенской линии дальше на восток за Суру, к Волге. Волго-сурское пограничье необходимо было серьезно укрепить от набегов крымцев и малых ногаев, а также калмыков³⁹. Однако новая система укреплений не была построена⁴⁰. Известный исследователь засечных линий европейского юго-востока России В.И. Лебедев доказывает, что, несмотря на принятое весной 1686 г. решение о создании черты, правительство отказалось от этого проекта⁴¹. Накануне новой войны с Крымом, государство решило сэкономить. Оно ограничилось возведением единичных укрепленных центров с прилегающими к ним сельскими военизированными поселениями. В 1680-х гг. междуречье Суры и Волги практически было перекрыто гарнизонами ряда новых городов, а также поселенных здесь слобод, сел и деревень. Начиная с 1683 г. строятся Сызрань, Кашпир, ряд слобод, населенных служилыми людьми, что позволило перейти к интенсивному заселению всей территории между Симбирском, Сызранью и Пензой⁴².

В 1680-е – 1690-е гг. район сельского расселения на волжском Правобережье стал стремительно расширяться к югу, вплоть до широты Саратова и ниже. Этому способствовали походы 1695-1696 гг., завершившиеся взятием Азова, а также дальнейшее укрепление волго-донского междуречья, где в 1697 г. были начаты работы по сооружению канала между Камышинкой и Иловлей⁴³ и одновременно построен город Дмитриевск⁴⁴. К началу XVIII в. на этих территориях, входивших в огромный Симбирский уезд, насчитывалось уже более 300 населенных пунктов⁴⁵.

На рубеже 1680-х – 1690-х гг. правительство начинает рассматривать земли Правобережья как относительно безопасные территории. Об этом сви-

детельствует отмена законодательства о «заказных городах»⁴⁶. Здесь начинают складываться весьма значительные по размерам вотчины крупнейших светских феодалов и центральных монастырей России. С гораздо большими трудностями происходило оседлое освоение Левобережья. Но и там к югу от укреплений Закамской линии вдоль Волги, в нижнем течении рек Б. Черемшана, Сока и Самары стали появляться новые укрепленные городки и сельские поселения.

Можно сделать вывод, что к концу XVII – началу XVIII вв. территория бывшего Казанского ханства практически становится внутренним районом страны, окруженным с юга и юго – востока вновь освоенными и закрепленными за Россией землями⁴⁷.

Рубеж XVII-XVIII вв. явился итоговым, решающим для территории «понизовых городов» по целому ряду факторов. Завершился определенный период в его развитии. Государство смогло поставить под свой контроль основные силы, находившиеся как внутри региона, так и на его границах – яицкое и донское казачество, калмыков.

* * *

Одним из самых сложных и до конца нерешенных вопросов истории рассматриваемого нами региона, является проблема его юрисдикции, подчиненности, управления центральными и местными учреждениями. Общеизвестен факт, что данная территория находилась в ведении приказа Казанского Дворца. Он был создан как часть общей системы управления, сложившейся во второй половине XVI в. Специалисты считают, что приказ являлся не только территориально-административным учреждением, осуществлявшим властные функции на юго-восточных окраинах Российского государства. Он контролировал все стороны функционирования здесь центральной власти, обладал исключительной автономией. Приказ отвечал за сбор налогов, податей, функционирование создаваемых на Волге во второй половине XVI – XVII вв. городов. Его администрация осуществляла судебные функции и ведала вооруженными силами этой огромной территории. Уникальность приказа Казанского Дворца заключалась в том, что он изначально сосредоточил в себе функции ряда других общероссийских приказов.

В энциклопедической статье, подготовленной Ю.М. Эскиным, говорится, что приказ осуществлял: «... адм., воен., суд., финанс. управление населением всех народов Поволжья, имел внешнеполит. функции ввиду погранич. положения (сношения с киргиз-кайсацкими, ногайскими, сибирскими и др. правителями), ведал сбором ясака и служилыми людьми»⁴⁸. Однако, от делопроизводства этого центрального учреждения практически ничего не сохранилось. Историки ссылаются на пожары начала XVIII в., фактически полностью уничтожившие его архив и текущее делопроизводство. Отдельные документы, сохранившиеся в фондах других центральных учреждений, съезжих и приказных изб «понизовых» городов, подведомственных приказу; коллекциях источников, отложившихся в столичных архивах

и т.д., не позволяют сколько-нибудь полно воспроизвести его постоянную работу; текущие вопросы, которые приходилось решать приказной администрации, ее структуру, штаты и т.д. Наиболее плодотворную и практически единственную в отечественной историографии попытку реконструкции структуры и штатов, полномочий и деятельности приказа Казанского Дворца в результате длительной кропотливой работы осуществил известный современный исследователь И.П. Ермолаев⁴⁹. Историк писал, что его источниковедческая методика заключалась во фронтальном просмотре значительного количества фондов Российского государственного архива древних актов и других архивохранилищ⁵⁰. Вплоть до настоящего времени, реконструкция И.П. Ермолаева является единственной соответствующей требованиям современных научных исследований. Его работа получила высокую оценку специалистов по отечественной истории. Поэтому последующая краткая характеристика различных сторон деятельности и компетенций приказа является фактически реферативным изложением основных выводов И.П. Ермолаева.

После завоевания в 50-80-е гг. XVI в. огромных пространств Казанского, Астраханского и Сибирского ханств перед Российским государством встала проблема управления этими территориями. Изначально оно было поручено Посольскому приказу, но с 1599 г. эта территория отошла к приказу Казанского Дворца⁵¹. Его прообразом была Казанская изба (Казанский дворец, Казанский и Мещерский дворец и т.д.), существовавшая с 50-х годов XVI в. На первых порах под началом приказа находились все земли бывших волжских ханств. Приказная администрация управляла не только Средним и Нижним Поволжьем, Приуральем, но также Западной Сибирью и «мещерскими городами» по Оке. В 1637 г. сибирские земли были переданы в распоряжение специально созданного Сибирского приказа. Его возникновение было обусловлено сложностью управления огромного пространства от Волги до Восточной Сибири. В середине XVII в. Астрахань с прилегающими к ней городами и территориями перевели под юрисдикцию Посольского приказа. Под началом приказа Казанского Дворца остались Среднее и часть Нижнего Поволжья, а также Приуралье (Башкирия)⁵².

Для представления о территории Поволжья, находившейся в ведении приказа, обратимся к указанной выше трактовке И.П. Ермолаева. По его мнению территория, входившая в компетенцию приказа Казанского Дворца, сформировалась первоначально из основной части бывшего Казанского ханства. К рубежу XVI – XVII вв. в нее входили новые крепости по Волге (ниже устья Камы), а также Астрахань с прилегающими к ней городами и территориями. В дальнейшем происходило увеличение числа городов, в первую очередь связанное со строительством оборонительных засечных линий, но никаких серьезных территориальных изменений уже не было. Таким образом, район «понизовых городов» можно считать сформировавшимся ещё к началу XVII в. Он включал в себя следующие территории и города:

1. Свияжск и Казань с пригородами (Тетюши, Арск, Лаишев, Алаты, Малмыж, Оса — все упоминаются в составе казанских пригородов со второй половины XVI в.).

2. Сурско-Волжское междуречье (Васильсурск, Чебоксары, Алатырь, Курмыш, Козьмодемьянск, Ядрин, Цивильск, позднее Симбирск с пригородами и Пенза).

3. Левобережная Самара с Самарским уездом на Самарской Луке.

4. «Луговая сторона» или волжское левобережье (Кокшайск, Царевококшайск, Царевосанчурск, Яранск).

5. Приуралье (Уфа, позднее — Бирск).

6. Нижняя Волга (Астрахань, Терки, Царицын, Саратов, позднее — Черный Яр, Дмитриевск, Камышин и др.).

7. «Мещерские города» (Шацк, Касимов, Кадом, Темников)⁵³.

По мере создания во второй половине XVI – XVII вв. новых городов, они с прилегающими территориями уездов включались в состав пространства, состоявшего в ведении приказа Казанского Дворца, и в них назначались воеводы. О развитии вооруженных сил региона, находившегося под управлением приказа, свидетельствуют, прежде всего, разрядные книги⁵⁴. Центром его была Казань. Приказ Казанского Дворца действовал до административно-территориальной реформы Петра I и перестал существовать после создания Казанской губернии в 1708 г. В состав новой губернии вошли почти все территории этого бывшего центрального учреждения⁵⁵.

Полномочия и деятельность приказа Казанского Дворца обуславливались не только размерами территории, находившейся в сфере его компетенции, но и особенностями взаимодействия с другими органами центральной власти. Он был не просто территориальным приказом, но и центральным учреждением по управлению всеми вопросами и сторонами жизни Поволжья. Г. Котошихин писал о чрезвычайно широкой сфере полномочий приказной администрации на юго-востоке европейской части Московского государства⁵⁶. Приказ осуществлял полное административное, финансовое, судебное управление. Кроме того он являлся едва ли не единственным центральным учреждением, обладавшим военно-организационными функциями на подведомственной ему территории, обычно полностью принадлежавшими Разрядному приказу⁵⁷. Ему подчинялись почти все категории служилых людей, в том числе стрельцы. Он руководил уголовным сыском и осуществлением наказаний, что должно было входить в компетенцию Стрелецкого и Разбойного приказов соответственно. По свидетельству того же Котошихина приказ даже ведал охраной границ с Турцией и Персией, а также защитой от калмыков и башкир⁵⁸. Приказ Казанского Дворца собирал все подати, таможенные сборы, наблюдал за исполнением населением невоенных повинностей.

В первой половине XVII в. приказ Казанского Дворца по составу своего подьяческого штата относился к числу крупнейших центральных учреждений⁵⁹. Позднее, он несколько утрачивает свои позиции по данному показателю, возглавив, по словам Н.Ф. Демидовой, «среднюю группу прика-

зов»⁶⁰. Но и во второй половине столетия приказ оставался одним из важнейших центральных учреждений страны. Об этом свидетельствует, хотя бы то, что он в 1669 г. попадает в сравнительно небольшую группу приказов, дела которых вносили в особый день (в среду) «к слушанию и вершению» в Боярскую думу⁶¹. Его руководство и состав подьячих находились под жестким контролем правительства. Стоит отметить, что штат приказных людей достаточно часто обновлялся, особенно судьи⁶².

И.П. Ермолаев особо отмечает «уникальную» по сравнению с другими приказами «национальную» специфику данного учреждения. Приказ по его словам должен был «формировать общую, так сказать, «национальную» (в общегосударственном масштабе) политику России»⁶³.

По полноте своих компетенций, праву распоряжаться подвластной ему территорией, многообразию решаемых задач с Казанским не мог сравниться ни один из других областных приказов страны⁶⁴.

Вместе с тем, нельзя признать совершенно автономными территории, которыми ведал приказ Казанского Дворца. Исследователи считают, что и другие центральные учреждения принимали определенное участие в управлении поволжскими и приуральскими землями, однако установить, насколько это было «узаконено и регламентировано» невозможно из-за отсутствия репрезентативных источников⁶⁵.

Особое значение имели военные функции приказа. Система вооруженных сил на территории подведомственной приказу Казанского Дворца была также автономна, но в целом она повторяла подобную организацию всего Российского государства. Разумеется, при всей «автономии», руководство приказа должно было делить свои полномочия в данном вопросе с Разрядным, Стрелецким и другими военными приказами.

Вопросы организации и управления вооруженными силами территорий, находящихся под юрисдикцией приказа Казанского Дворца рассматриваются в других разделах данной работы, поэтому здесь мы не будем специально на них останавливаться. Отметим лишь, что интенсивное освоение окраинных районов, необходимость непрерывной защиты их от нападений, способствовало поддержанию постоянной боеготовности местных вооруженных сил. Нельзя не согласиться с И.П. Ермолаевым, который считал Казанский разряд военным округом. Это значение Казанского разряда, по его мнению, проявилось во второй половине XVII в. и выразилось скорее не в противодействии внешним опасностям, а в предотвращении народных выступлений. Велика была роль ратных сил «понизовых городов» в борьбе мощными социальными движениями («Разинщина»), башкирскими восстаниями. На их предотвращение нередко не хватало «своих» ратных ресурсов, приходилось привлекать военные части из других регионов страны⁶⁶. Борьба с подобными социальными движениями, стала решающим фактором для политического развития Московского царства. Кроме того она повлияла на изменения структуры центрального и местного управления⁶⁷.

Важную роль в укреплении военного потенциала сыграли реформы Фёдора Алексеевича, приведшие к реорганизации военных полномочий различных приказов в данном регионе.

Таким образом, изучение состояния вооруженных сил, подведомственных администрации приказа Казанского Дворца, позволяет выйти на разработку более общих вопросов развития российской государственности. Мероприятия правительства, направленные на модернизацию армии, на протяжении всего XVII столетия после Смутного времени были связаны с комплексом мер по укреплению границ, усовершенствованию административно-территориального устройства. Специфика пограничного региона, где со второй половины XVI в. шел непрерывный процесс хозяйственного освоения, колонизации новых земель, влияла на особенности его управления, формирования контингентов ратных людей, их боеспособности и руководства местными служилыми людьми.

Примечания

¹ См., например: Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. 2-е изд. М., 1937; Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. Учебное пособие. М., 1973. С. 102; др. работы.

² Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. 5-е издание. М., 1995. С. 8-9.

³ Демидова Н.Ф. Федор Алексеевич // Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 187, 191; Волков М.Я. Об отмене местничества в России // История СССР. 1977. № 2. С. 56.

⁴ См., например: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд., доп. М., 2008. С. 57-64.

⁵ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. С. 7-80.

⁶ Там же. С. 69. Несколько иное обозначение данной области приведено в учебном пособии, подготовленном В.З. Дробижевым, И.Д. Ковальченко и А.В. Муравьевым. Авторы пишут: «В области «Низовых городов» входила значительная часть территории, протянувшейся по обоим берегам Средней Волги, примерно от Нижнего Новгорода до Камы. Сюда относились не только поволжские города, но и земли мордвы, чувашей, черемисы. В XVI – XVII вв. понятие «Низовых городов», «Низа» было различным. Оно могло охватывать как непосредственно прилегающие к Замосковному краю земли, так и поволжские земли, тянувшиеся к Каспийскому морю». См.: Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. С. 105. Нам все же ближе то определение, которое дает С.Ф. Платонов.

⁷ В частности, в Соборном Уложении 1649 г. в главе 13 «О Монастырском приказе» в статье 3 дано определение «понизовым городам», через их подчиненность центральному учреждению – приказу Казанского Дворца: «... опричь понизовых городов, которые города ведают в Казанском Дворце». См.: Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Ленинград, 1987. С. 70.

⁸ См., например: Книги Разрядные. СПб., 1853-1855. Т. 1-2; Григорий Котошихин. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI – XVII веков. М., 1984. С. 245, 281;

⁹ См., например: Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. С. 102, 105.

¹⁰ Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца. К постановке вопроса // Классы и сословия России в период абсолютизма. Межвузовский сборник статей. Куйбышев, 1989. С. 9.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. С. 69.

¹³ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

¹⁴ Строго говоря, и у Г.И. Перетятковича изучаемый им регион к началу XVIII в. на Правобережье значительно выходит за южные границы Среднего Поволжья.

¹⁵ Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI - XVII вв. Самара, 1999. С. 5-6; Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI - начало XX вв. Самара, 2007. С. 10.

¹⁶ Нижняя Волга и прилегающие к ней соседние территории (Притеречье, низовья р. Урал и т.д.) исходя из современного географического деления.

¹⁷ См., например: Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII - начала XVIII в. М., 1982

¹⁸ Исхаков Д.М. Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 259-260.

¹⁹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 36.

²⁰ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 13-17; Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI – XVII вв. Чебоксары, 2012. С. 18-25; др. работы.

²¹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 52

²² Дмитриев В.Д. Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI – начале XVII веков // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары, 1981. С. 20.

²³ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 65.

²⁴ Мустафина Д.А. Поместное землевладение в Казанском уезде по ввозным грамотам второй половины XVI – XVII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 10-14.

²⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 36.

²⁶ Пискаревский летописец // Материалы истории СССР. II. Документы по истории XV - XVII вв. М., 1955. С. 88.

²⁷ Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010. С. 55.

²⁸ См., например: Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI-XVII вв. Самара, 1999. С. 47-62.

²⁹ Мизис Ю. А. Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII вв. Тамбов, 1986.

³⁰ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 18-34, 86; Кадерова Т.Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во второй половине XVI - XVII веков: дис. . . канд. ист. наук. Саранск, 2006. С. 94.

³¹ Кадерова Т.Н. Служилые люди «по прибору» в Мордовском крае в XVII в. // Центр и периферия. 2012. № 2. С. 18-23; Ее же. Организация обороны юго-восточных границ Рос-

сийского государства и служилые люди в Мордовском крае во второй половине XVI - XVII веков: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Саранск, 2006.

³² Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1981. С. 10. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 131.

³³ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 74-80, 140-176;

³⁴ Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 19-25.

³⁵ Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Очерки из истории колонизации края). С. 199.

³⁶ Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. С. 12.

³⁷ Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.

³⁸ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 44-49;

³⁹ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. С. 113.

⁴⁰ В отечественной историографии второй половины XIX – XX вв. сложилось устойчивое мнение о том, что Пензенская черта, доведенная до р. Суры в середине 1680-х гг., была продолжена Сызранской и доведена до Волги в районе Сызрани или Надеинского Усолья. Такая точка зрения, не имеющая под собой фактически никакой серьезной источниковой базы, получила широкое распространение, как у региональных, так и у столичных исследователей. См., например: Невоструев К. Сведения о построении города Сызрани // ЖМВД. Ч. XXVIII. Декабрь, Кн. 12. 1849. С. 473-475; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVI и начале XVIII веков (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 237, 239, 241, 247; Очерки русской культуры XVII века. Часть первая. М., 1979. С. 493; др. работы.

⁴¹ См.: Лебедев В.И. Из истории правительственной колонизации Среднего Поволжья в конце XVII в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 54-60; Он же: Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. С. 113-120; Он же: Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 73-77; Он же. К вопросу о так называемых Сенгилеевской и Сызранской чертах XVII века // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1990. Вып. II. С. 113-129.

⁴² Перетяткович Г.И. Поволжье в XVI и начале XVIII веков (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С.208; Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия СНЦ РАН. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 326-332; он же. Юго – Восток Европейской России. Часть 1. Поволжский фронт в середине XVI – XVII в. Очерки истории. Самара, 2012. С. 204-224.

⁴³ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871; Бернштейн-Коган С.В. Волга-Дон. Историко-географический очерк. М., 1954.

⁴⁴ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов; М., 1923. С. 269-271.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.

⁴⁶ Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско - Самарском Поволжье в XVII - начале XVIII вв. С. 19-24.

⁴⁷ Мустафина Д.А. Социальное положение крестьян Казанского уезда во второй половине XVII в. // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С. 52; Она же. Землевладение в деревне Казанского уезда второй половины XVII века // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 22.

⁴⁸ Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. Т. 2: Д-К / Редкол.: В.Л. Янин (гл. ред) и др. М., 1996. С. 446.

⁴⁹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем); он же. «Казанский разряд» как элемент государственного управления Средним Поволжьем // У источника. Сборник статей в честь члена-корреспондента РАН С. М. Каштанова. Часть II. М., 1997. С. 393-417; он же. Приказ Казанского дворца. (К историографии вопроса) // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье. Дореволюционный период. (Межвузовский сборник статей). Уфа, 1988. С. 5-11; др. работы.

⁵⁰ Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца. К постановке вопроса // Классы и сословия России в период абсолютизма. Межвузовский сборник статей. Куйбышев, 1989. С. 6.

⁵¹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 52.

⁵² Там же. С. 53.

⁵³ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 57. Подчеркнем, что отнесение к понизовым городам Астрахани и Терков и, особенно, мещерских городов — вопрос сложный и неоднозначный. Мы считаем, что Ермолаев прав, включая их в эту общую группу городов. Источники — разрядные книги, различные сметные списки и росписи, на протяжении всего XVII и начала XVIII вв. относят эти города к группе «понизовых». Кроме того отметим, что в отдельных разрядных списках могли появляться и другие, пограничные с «понизовыми», города.

⁵⁴ Анализ данных разрядных книг по территориям, находившимся в управлении приказа Казанского Дворца, и их характеристика даны во второй главе данной работы.

⁵⁵ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 55.

⁵⁶ Котошихин Г. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI-XVII вв. М. 1984. С. 245.

⁵⁷ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 125; Герасимов И.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. С. 43.

⁵⁸ Котошихин Г. О Московском государстве в середине XVII столетия. С. 245-246.

⁵⁹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 24.

⁶⁰ Там же. С. 44.

⁶¹ ПСЗ-1. Т. 1. № 460. 29 ноября 1669 г. См., также: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 36-37.

⁶² Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI-XVII вв. М, 2006. С. 75-78.

⁶³ Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца. К постановке вопроса. С. 11.

⁶⁴ За исключением, пожалуй, Сибирского приказа.

⁶⁵ Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца. К постановке вопроса. С. 12.

⁶⁶ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 143-155; Он же. «Казанский разряд» как элемент государственного управления Средним Поволжьем. С. 400, 412-413 и др.

⁶⁷ Ермолаев И.П. «Казанский разряд» как элемент государственного управления Средним Поволжьем. С. 417.